

Хроника петербургских театров
С конца 1826 до начала 1855 года. Часть 1

УДК 93
ББК 63.3
Х94

Х94 Хроника петербургских театров: С конца 1826 до начала 1855 года. Часть 1 / – М.: Книга по Требованию, 2023. – 194 с.

ISBN 978-5-519-60565-6

Годовые обозрения русской и французской драматической сцены, оперы и балета.

ISBN 978-5-519-60565-6

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Прежде чѣмъ приступить къ обзорѣнїю той эпохи, которою я намѣренъ заняться, считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о положенїи петербургскихъ театровъ и драматической литературы въ послѣднїе годы царствованїя Императора Александра I-го. Для полноты обзорѣнїя необходимо прослѣдить за первыми успѣхами тѣхъ театральныхъ дѣятелей Николаевской эпохи, которые начали свою карьеру въ предъидущее царствованїе.

Начинаю съ администраціи. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ петербургскїе театры были подчинены с.-петербургскому генераль-губернатору. Директоромъ состоялъ тогда князь Тюфякинъ, хорошій хозяинъ, но весьма мало смыслившій въ драматическомъ искусствѣ и до крайности грубый въ обращенїи съ артистами. Какъ человеку богатому и независимому, ему вскорѣ надоѣли текущїя театральныя дѣла и онъ отправился въ Парижъ, подъ предлогомъ отыскиванїя артистовъ для французской труппы. Преспокойно проживая тамъ, онъ продолжалъ все-таки управлять театрами. Ничего не дѣлалось безъ его разрѣшенїя и онъ передавалъ свои приказанїя съ береговъ Сены черезъ посредство своего секретаря Р. М. Зотова, остававшагося въ Петербургѣ. Продолжительнымъ отсутствїемъ князя Тюфякина воспользовались его недоброжелатели для того, чтобы столкнуть его съ мѣста. Какіе-то беспорядки возникли въ театральномъ училищѣ, и графу Милорадовичу, тогдашнему с.-петербургскому военному генераль-губернатору и князю П. М. Волконскому (будущему Министру Императорскаго Двора) поручено было осмотрѣть училище, и оно дѣйствительно оказалось въ жалкомъ состоянїи. Вслѣдствїе того князя Тюфякина уволили и образовали Комитетъ для составленїя положенїя объ управленїи Императорскими театрами. Предсѣдателемъ Комитета былъ назначенъ графъ Милорадовичъ, а членами: князь Вас. Васил. Долгоруковъ, графъ П. И. Кутайсовъ, П. И. Столыпинъ и князь Шаховской, извѣстный драматургъ и страстный любитель драматическаго искусства. Какъ человекъ отлично понимавшій дѣло, князь Шаховской сдѣлался душою Комитета и ему поручили составить положенїе. Директоромъ былъ назначенъ А. А. Майковъ, а секретаремъ Комитета Р. М. Зотовъ.

Съ того времени Комитетъ, или лучше сказать графъ Милорадовичъ съ княземъ Шаховскимъ, сдѣлались полными владыками театральнаго міра. Всѣ дѣла какъ ховайственныя, такъ и репертуарныя, рѣшались въ кабинетѣ у князя, куда прїѣзжалъ каждый вечеръ генераль-губернаторъ. Для того, чтобы графъ не очень скучалъ за дѣлами, домоправительница и фаворитка Шаховскаго, извѣстная актриса Ежова, занимавшая амплуа комическихъ старухъ, приглашала

къ себѣ по вечерамъ хорошенькихъ и молоденькихъ актрисъ и особенно танцовщицъ. Развлекаемый подвластными ему красавицами, Милорадовичъ конечно утверждалъ всѣ предположенія Шаховскаго, и подъ вліяніемъ хорошенькихъ глазъ находилъ, что все отлично идетъ въ его новомъ царствѣ.

Однако оно было не совсѣмъ такъ. Деньги тратились безразсуднѣйшимъ образомъ на постановку балетовъ, до которыхъ графъ былъ страстный охотникъ, и пустыхъ драматическихъ произведеній съ великолѣпнымъ спектаклемъ, перекрашиваемыхъ Шаховскимъ изъ поэмъ Пушкина и романовъ Вальтеръ-Скотта. Фаворитки Милорадовича и другихъ сановниковъ, посѣщавшихъ салонъ Ежовой, получали значительныя прибавки жалованья, бенефисы, разовыя, а другія, менѣе счастливыя артистки получали содержаніе, котораго, какъ говорится, не хватало кошкѣ на молоко. Только ученикамъ и ученицамъ Шаховскаго давался ходъ, а прочихъ держали въ черномъ тѣлѣ, и даже просто увольняли, какъ на примѣръ А. М. Колосову (Каратыгина 1-я), потому что она затмѣвала Валберхову, любимую ученицу князя. В. А. Каратыгинъ также подвергался гоненіямъ, какъ счастливый соперникъ Брянскаго, одного изъ главныхъ фаворитовъ его сіятельнѣйшаго учителя.

Графъ Милорадовичъ былъ въ сущности человекъ весьма добрый и даже слабохарактерный, но вспыльчивый, и любилъ, какъ всѣ слабые люди, подчасъ разыграть роль Юпитера-громовержца. Окружавшія его лица умѣли отлично пользоваться такою слабостью и направляли его громы на тѣхъ, кто имъ не нравился. На первыхъ порахъ грознаго начальнича вооружили противу П. А. Катенина, извѣстнаго переводчика трагедій Корнеля и Расина и глубокаго знатока драматическаго искусства и классической литературы. Онъ приготавлилъ также артистовъ для сцены, разумѣется только изъ любви къ дѣлу, и въ томъ числѣ нашего послѣдняго трагика В. А. Каратыгина, учившагося сначала у князя Шаховскаго. Вслѣдствіе такого соперничества Катенинъ и Шаховской сдѣлались врагами, и вражда эта надѣлала первому много непріятностей. Легковѣрнаго графа увѣрили, что Катенинъ опасный либераль, что Каратыгинъ подъ его вліяніемъ сдѣлался вольнодумцемъ и сталъ непочтителенъ къ начальству. Графъ Милорадовичъ, рѣшившись хорошенько припугнуть обоихъ либераловъ, вскорѣ нашелъ тому случай.

Во время спектакля въ театральномъ училищѣ, Каратыгинъ сидѣлъ приклонившись къ столу и не замѣтилъ проходившаго мимо его директора Майкова. Тотъ подбѣжалъ къ нему и принялся кричать во всю мочь, какъ онъ смѣетъ сидѣть въ его присутствіи. Не слушая оправданія бѣднаго артиста, Майковъ продолжалъ неистовствовать и кончилъ тѣмъ, что сказалъ ему при всѣхъ: «Ты, мальчишка, я научу тебя уважать начальство и проучу тебя за эту дерзость».

Черезъ два дня, когда Каратыгинъ считалъ эту исторію конченною, къ нему явилась на домъ полиція, его арестовали, отвезли въ Петропавловскую крѣпость и продержали тамъ въ казематѣ почти двое сутокъ. Онъ просидѣлъ бы и долѣе, если бы мать узника не поспѣшила броситься къ стопамъ грознаго графа и вымолить у него прощеніе сыну. Вначалѣ онъ принялъ ее чрезвычайно сурово и даже закричалъ: «Меня слезы не трогаютъ, я видѣлъ кровь». Потомъ смягчившись и довольный эффектомъ своей трескучей фразы, онъ приказалъ выпустить арестанта, присовокупивъ однако же: «Этотъ урокъ былъ нуженъ молодому либералу, который набрался вольнаго духа отъ Катенина».

Съ вольнодумнымъ учителемъ вышла исторія еще хуже. Въ одно изъ представленій «Полихсени» Озерова, знаменитая Семенова играла Гекубу, а

Поликсену Азаревичева, молодая воспитанница, не слишком любимая публикою, но пользовавшаяся расположением начальства. По окончании трагедии вызвали Гекубу, а она вывела съ собою и Поликсену, свою ученицу. Въ партерѣ начали шикать, а Катенинъ, сидѣвшій въ первомъ ряду креселъ, закричалъ: «Семенову одну» и потомъ громко сталъ говорить, что не слѣдовало Азаревичевой выходить, когда ее не вызываютъ, и что это дерзость и неуваженіе къ публикѣ со стороны Семеновой. Семенова обидѣлась, пожаловалась графу Милорадовичу, и онъ запретилъ Катенину посѣщать театры. Фактъ почти невѣроятный, но однако достовѣрный, такъ какъ онъ засвидѣтельствованъ П. А. Каратыгинымъ въ его воспоминаніяхъ. Черезъ нѣсколько времени Катенинъ былъ высланъ изъ Петербурга за неприличное поведеніе въ театрѣ.

Показавъ, что было дурнаго въ то доброе старое время, по всей справедливости нужно упомянуть и о хорошемъ.

Почти всѣ театральные дѣятели этой эпохи относились къ своимъ обязанностямъ не по чиновничьи, а съ любовью къ дѣлу и не думали только о сопряженныхъ съ мѣстомъ содержаніи и почестяхъ. Самъ Шаховской, котораго я упрекнулъ за его пристрастіе, дѣйствовалъ исключительно подъ вліяніемъ своей страсти, своего фанатизма къ театральному дѣлу, а не изъ какихъ либо личныхъ выгодъ. Самые ярые его враги никогда не упрекали его во взяточничествѣ, никто не жаловался, чтобы онъ бралъ съ авторовъ за постановку ихъ пьесъ, или съ артистовъ за предоставленіе имъ лучшихъ ролей, или за прибавку жалованья. Несмотря на свои недостатки, Шаховской принесъ театру пользу несомнѣнную. Подъ его руководствомъ образовалось цѣлое поколѣніе замѣчательныхъ артистовъ, такихъ, какъ Брянскій, Степанова (Брянская), Сосницкій, Воробьева (Сосницкая), Дюрова, Асенкова (мать Варвары Николаевны), Григорьевъ 1-й, Каратыгинъ 2-й, Монруа (Шелехова 1), Воронниковъ, Валберхова и многіе другіе. Постановку пьесъ онъ довелъ въ свое время до возможнаго совершенства и, развивая таланты учениковъ, умѣлъ внушать еще имъ и любовь къ своему ремеслу. Много дѣтъ почти исключительно ими держался русскій театръ, и въ свою очередь они приготовили себѣ достойныхъ преемниковъ въ лицѣ Мартынова, Максимова 1-го, Асенковой, Степановой, В. В. Самойлова, трехъ его сестеръ, Марьи, Надежды, Вѣры, и tutti quanti. Даже вечера Шаховскаго Ежовой, гдѣ между прочими присутствовали и многія литературныя знаменитости того времени, Грибоѣдовъ, Загоскинъ, Жандръ, Хмѣльницкій, Гнѣдичъ, Ал. Бестужевъ, Ал. Пушкинъ, О. Кокоскинъ, Барковъ, Лобановъ, были весьма полезны для артистовъ. Тамъ они слушали сужденія компетентныхъ судей, какъ о драматическихъ произведеніяхъ, такъ и объ игрѣ актеровъ. Незамѣтнымъ образомъ у нихъ развивался вкусъ, расширялся кругъ понятій, и все это служило къ довершенію ихъ образованія. Кромѣ того они заимствовали у аристократическихъ посѣтителей хорошій тонъ, хорошія манеры, чрезъ что получили доступъ въ порядочное общество и умѣли держаться на сценѣ, когда имъ приходилось играть роли свѣтскихъ людей.

Литературная и театральная братія были также вхожи и въ А. Н. Оленину, знаменитому президенту Академіи Художествъ.

Репертуаръ двадцатыхъ годовъ былъ, конечно, не богатъ оригинальными произведеніями. Изъ трагедій тогда давали: Озерова—«Дмитрій Донской», «Эдипъ въ Афинахъ», «Фингалъ», и «Поликсена»; Грузинцева—«Эдипъ Царь»; Крюковскаго—«Пожарскій». Всѣ эти пьесы, написанныя тяжелыми стихами по классическимъ образцамъ, не отличались ни воображеніемъ, ни оригинальностью, откровенно сказать, были скучны до невѣроятія и держались только игрою Ека-

терины Семеновою и В. Каратыгина. Для образчика стиховъ Озерова приведу на выдержку слѣдующіе, взятые изъ монолога слѣпаго Эдипа:

«Коль смѣешь ты, на мнѣ останови свой взоръ,
Зри ноги ты мои скитавшись изъязвленны,
Зри руки милостынь прошенъемъ утомленны,
Ты зри мою главу лишенную волосъ!
Ихъ изсушила грусть и вѣтеръ ихъ разнесъ».

Судите, каково было тогдашнимъ трагикамъ декламировать подобныя вирши! Драмы, какъ мы ея теперь понимаемъ, почти вовсе не существовало. Одинъ только Ильинъ попытался написать пьесу изъ народныхъ нравовъ подъ заглавіемъ «Великодушіе или рекрутскій наборъ». Первый опытъ былъ не безъ достоинствъ и въ немъ даже было немного реторики, но тогдашняя публика считала этотъ жанръ слишкомъ грубымъ, слишкомъ низкимъ. Впрочемъ драма Ильина долго продержалась на сценѣ и была играна въ тридцатыхъ годахъ.

Комедій также было немного. Кромѣ «Недоросля» и «Бригадира» — фонъ Визина, «Хвастуна» и «Чудаковъ» — Княжнина, «Уроки дочкамъ» и «Модной Лавки» Крылова, «Ябеды» — Капниста, можно упомянуть развѣ о нѣкоторыхъ произведеніяхъ князя Шаховскаго и Загоскина, имѣвшихъ въ свое время успѣхъ: Шаховскаго — «Пустодомы», «Чванство Транжирина», «Полубарскія затѣи», «Липецкія воды или урокъ коветкамъ», «Новый Стернь», «Ссора или два сосѣда», «Аристофанъ» — были содержанія довольно легкаго, отличались наблюдательностію довольно поверхностною и изображали только модныя увлеченія или современныя странности, преимущественно провинціального общества. Изъ самыхъ названій пьесъ видно, на что именно нападалъ авторъ. Онъ прибѣгалъ иногда и къ аристофановскимъ приемамъ. Въ «Липецкихъ водахъ» подъ именемъ Фіалкина выведенъ былъ Жуковский, баллады котораго были тогда въ модѣ, а въ «Новомъ Стернѣ» представленъ былъ Карамзинъ и осмѣяны его приторно-сентиментальныя наклонности, высказывавшіяся въ «Письмахъ русскаго путешественника».

Комедіи Загоскина «Богатоновъ въ столицѣ», «Богатоновъ въ провинціи», «Добрый малый», «Романъ на большой дорогѣ», «Урокъ воловѣтамъ», отличались тѣми же недостатками и тѣми же достоинствами, какъ и пьесы Шаховскаго. Въ нихъ было много добродушнаго юмора, писаны онѣ были прекраснымъ языкомъ, но не доставили хорошо обрисованныхъ характеровъ или мѣтко схваченныхъ типовъ.

Имя Грибоѣдова впервые появилось на театральныхъ афишахъ въ 1815 году. Онъ дебютировалъ «Молодыми супругами», передѣлкою въ стихахъ французской комедіи «Le secret du ménage». Кстати сказать, что стихи были нивуда негодны. Въ 1818 году онъ написалъ комедію въ стихахъ «Своя семья», въ компаніи съ Шаховскимъ и Хмѣльницкимъ. «Горе отъ ума» было написано въ началѣ двадцатыхъ годовъ и ходило уже въ рукописи, но ни въ печати, ни на сценѣ не появлялось.

Князь Шаховской набросалъ нѣсколько легонькихъ пьесовъ съ куплетами: «Эзопъ у Ксанфа или притчи», «Фениксъ или утро журналиста», «Ворожея», и назвалъ ихъ оригинальными водевилями, но оригинальности въ нихъ вовсе не было и даже дѣйствіе происходило не въ Россіи.

Тоже можно сказать и о «Карантинѣ» и объ «Актеры между собою» Хмѣльническаго.

«Эзопъ у Ксанфа» пользовался большимъ успѣхомъ, благодаря Брянскому въ роли Эзопъ, читавшему великолѣпно басни Крылова и Хемницера. Въ «Фе-

ниесѣ» танцовщица Истомина, а потомъ Зубова играли роли съ рѣчами, и ради такого курьоза всѣ бѣгали смотрѣть эту бездѣлку.

Затѣмъ настоящій русскій водевиль съ легко очерченными современными типами, съ острыми куплетами, также съ легкими намеками на современную злобу дня, появился уже въ тридцатыхъ годахъ. Автору «Знакомые незнакомцы» по всѣмъ правамъ принадлежитъ титулъ перваго русскаго водевилиста.

Если наша драматическая литература скудна была оригинальными произведеніями, то напротивъ, чрезвычайно богата переводными. Въ числѣ переводчиковъ мы встрѣчаемъ самыя громкія имена. Грибоѣдовъ перевелъ «Притворную невѣрность» вмѣстѣ съ А. А. Жандромъ; Гнѣдичъ «Танкреда» Вольтера и «Андромаху» Расина; В. А. Жуковскій «Валерію» (Valérie ou la catacacte) Скриба; С. Т. Аксаковъ «Школу мужей» Мольера; Ѳ. Ковошвинъ «Мизантропа» и «Романъ на одинъ часъ»; Хмѣльницкій «Тартюфа», «Школу жевцинь», «Шалости влюбленныхъ», «Воздушные замки», «Нерѣшительнаго», «Говоруна»; Катенинъ «Сида», Корнеля, «Андромаху» Расина, «Обманъ въ пользу любви» Мариво (Les fausses confidences), «Сплетни» (Le méchant), Грессэ, «Игру любви и случая» (Les jeux de l'amour et du hazard) Мариво; А. А. Жандръ «Семеллу» Шиллера и комедію «Любовь и разсудокъ». Переводы многихъ изъ этихъ пьесъ, въ особенности комедій, и до сихъ поръ могли бы украшать репертуаръ. Въ 1870 году играли у насъ «Тартюфа» въ переводѣ Хмѣльницкаго и языкъ не казался несколько устарѣлымъ.

Конечно, въ числѣ переводчиковъ были и такіе, какъ графъ Хвостовъ и Лобановъ, стихи коихъ достойны фигурировать въ числѣ курьозовъ. Возьму два примѣра:

Изъ «Андромахи» графа Хвостова:

«Гдѣ я? Что дѣлаю? Что дѣлать остается?
Почто сей жаръ въ груди? Почто такъ сердце рвется?
Я по чертогамъ симъ скитаюсь бѣгу,
Люблю иль злобствую, сама знать не могу.»

Изъ «Ифигеніи въ Авлидѣ» Лобанова:

«О змѣй ужаснѣйшій. Мегеры лютыхъ чадъ
Чудовище, что къ намъ извергнулъ гнѣва адъ.
И небо не гремитъ, и зрю ея не мертву,
Но гдѣ несчастную найти, мечтаю, жертву.»

Съ Шекспиромъ публика двадцатыхъ годовъ была знакома только по передѣлкамъ Дюсиса; «Гамлетъ» переведенъ былъ С. И. Висковатовымъ, «Отелло» Вельяминовымъ и «Король Лиръ» Н. Гнѣдичемъ. Изъ театра Шиллера игрались часто «Разбойники» въ переводѣ актера Н. Сандунова, «Сынъ любви» и «Ненависть къ людямъ и раскаяніе» Коцебу, переведенные Н. Малиновскимъ, имѣли значительный успѣхъ.

Мелодрама едва начинала проникать на нашу сцену. «Убійца и сирота», переводъ Р. Зотова; игранная въ 1825 году «Тереза, женевская сирота» перев. А. Волкова, «Обрѣва собака» перев. Шеллера, чуть ли были не первыя бульварныя драмы, вторгшіяся въ среду величавыхъ созданій Корнеля, Расина и Вольтера.

Переводы и передѣлки французскихъ водевилей на русскіе нравы пеклись какъ блины и подносились переводчиками, разумѣется, безвозмездно, любимымъ имъ бенефициантамъ и особенно бенефицианткамъ. Въ числѣ переводовъ были весьма удачныя, напримѣръ, Шаховскаго: «Новый Бедламъ», «Игнаша дурачекъ», «Два учителя», «Женщина Лунатикъ», «Король и Пастухъ», «Новая суматоха»; Хмѣльницкаго:

«Бабушкины попугай», «Суженаго конемъ не объѣдешь», «Новая шалость», «Новый Парисъ»; Писарева: «Хлопотунъ»; Р. М. Зотова: «Мужъ и любовникъ»; Офросимова: «Вертеръ или заблужденіе чувствительнаго сердца». Нѣкоторые изъ этихъ водевилей дожили и до нашихъ временъ, и мнѣ случалось ихъ видѣть въ сороковыхъ и даже въ пятидесятихъ годахъ. Хмѣльницкій и Писаревъ были мастера писать куплеты. У меня удержался въ памяти одинъ куплетъ Писарева, не знаю изъ какого водевиля, очень въ то время нравившійся:

«Велѣлъ съ жены портретъ списать,
 Чтобъ табакерка золотая
 Могла ее мнѣ представлять.
 Оно и ловко и опрятно!
 Притомъ же дома и въ гостяхъ
 Для мужа каждаго пріятно
 Жену держать въ своихъ рукахъ.»

Составъ труппы двадцатыхъ годовъ былъ необыкновенно хорошъ. Екатерина Семенова, ученица Дмитревскаго и Гнѣдича (дебют. въ 1803 г.), величественная и граціозная красавица, съ античными формами, съ голосомъ гармоническимъ, прямо идущимъ въ душу, съ выразительною фізіономіею, занимала амплуа трагической героини и приводила всѣхъ въ восторгъ въ роляхъ: Медеи, Федры, Герміоны (Андромаха), Клитемнестры, Ифигеніи, Семирамиды, Меропы, Заиры, Камиллы (Гораціи), Аменанды (Танкредъ). Для нея Озеровъ написалъ всѣ главныя роли своихъ трагедій, Антигоны (Эдипъ въ Афинахъ), Мойны (Фингалъ) и Поликсену. Драму буржуазную она не очень жаловала, но однако была очень хороша въ «Ненависть къ людямъ и раскаяніе». Коцебу и заставляла всѣхъ плавать въ сценѣ прощанія съ мужемъ и дѣтьми. Современники, видѣвшіе знаменитую Жоржъ, отдавали предпочтеніе Семеновой.

Рядомъ съ нею являлись въ нѣкоторыхъ первыхъ трагическихъ роляхъ: К. И. Валберхова (дебют. въ 1817 г.) и А. М. Колосова (дебют. въ 1818 г.) (вышедшая въ послѣдствіи замужъ за В. А. Каратыгина), но первая совершенно ступевалась при страшной соперницѣ, а вторая вскорѣ отказалась почти вовсе отъ трагедій. Возвратившись изъ Парижа, гдѣ она изучала игру г-жи Марсъ, и гдѣ даже сама играла однажды роль Солимены въ «Мизантропѣ», она заняла у насъ первое амплуа въ комедіи. Лучшими ея ролями считались. Прелестиною (Селимена) въ «Мизантропѣ», Эльмиры въ «Тартюфѣ», Сильвіи въ «Игра любви и случая», Араминты въ «Обманъ въ пользу любви», Герцогини Гизъ въ «Спальнѣ Валеріи», Княгини Лелевой въ «Липецкія воды».

Степанова (Брянская) и Азаревичева старшая играли наперсницъ.

Ежова (дебют. въ 1805 году), упомянутая уже мною фаворитка, была отличнѣйшею комическою старухою

Асенкова (дебют. въ 1814 г.) играла вторыхъ кокетокъ и служанокъ въ высокой комедіи. Амплуа эти она раздѣляла съ Воробьевой (Сосницкая), которая дебютировала сначала (въ 1815 г.) въ оперѣ «Жовондъ», но потомъ перешла въ драматическую труппу. Нынѣшнее поколѣніе помнитъ ее, конечно, въ роляхъ старыхъ дѣвъ и сварливыхъ старухъ, но въ то время она была неподражаема въ роляхъ субретокъ (Дорины въ «Тартюфѣ», Сусанны въ «Свадьбѣ Фигаро») и бойкихъ барынь въ комедіи и водевилѣ, напр. Троепольской въ «Актеры между собой» Лельской въ «Ворожеѣ» и Эльмиры въ «Сплетнѣ».

Азаревичева младшая (дебют. въ 1821 г.) играла тоже субретокъ, но съ меньшимъ успѣхомъ.

Перломъ труппы считалась тогда Дюрова (дебют. въ 1821 г.), актриса счастливо одаренная природою, миловидная, граціозная, живая, у которой была бездна и пыла, и чувства, и ума. Она была равно хороша въ самыхъ разнообразныхъ амплуа. Послѣ простодушной Агнесы (Школа женщинъ) она являлась бойкою, шаловливою Розиною («Севильскій цирюльникъ»), страстною Марию (Керимъ Гирей) и Ребеккою (Ивангоэ), трогательною Антигоною (Эдипъ въ Афинахъ) или наконецъ кокетливою Сильвіею («Игра любви и случая»). Отъ нея и старцы и молодые были всѣ безъ ума. Судя по тому, что пишутъ о Дюровой мнѣ сдается, что ея талантъ имѣлъ много общаго съ талантомъ Фанни Свѣтковой, но только она была счастливѣе ея тѣмъ, что прошла хорошую школу и пользовалась совѣтами дѣйствительно свѣдущихъ и просвѣщенныхъ руководителей.

На роляхъ вторыхъ любовницъ подвизались молоденькія: Монруа (Шелехова), Рыкалова (Марсель), Монготье (Федорова); первая изъ нихъ была весьма недурна въ роляхъ простодушныхъ дѣвочекъ, т. е. въ томъ амплуа, которое теперь называется *ingénuе*. Обѣ онѣ пѣли и въ операхъ. Гусева, сестра Ежовой, начала становиться замѣтною, хотя въ классической комедіи и во французскихъ водевиляхъ было мало простора чисто русской безыскусственной натурѣ.

Мужской персоналъ былъ не хуже женскаго. Партнеромъ Семеновой въ классической трагедіи былъ и намъ хорошо знакомый В. А. Каратыгинъ. Онъ принадлежалъ къ театральному семейству. Отецъ его долгое время былъ режиссеромъ русской драматической труппы, а мать—извѣстная въ свое время артистка, игравшая сперва первыя роли, а потомъ благородныхъ матерей въ трагедіи. Воспитаніе онъ получилъ въ Горномъ корпусѣ, но увлеченный совѣтомъ друзей, сталъ готовиться къ сценѣ, сперва у князя Шаховскаго, а потомъ у П. А. Катенина, что, какъ я уже сказалъ, причиняло ему много неприятностей по службѣ. 3 мая 1820 г., восемнадцатилѣтній юноша дебютировалъ въ роли Фингала и былъ принятъ весьма благосклонно публикою; потомъ онъ вышелъ въ «Эдипъ Царь» Грузинцева и для третьяго дебюта сыгралъ Танкреда. Затѣмъ его ангажировали на три года съ жалованьемъ по 2000 р. ас., дали казенную квартиру, 10 сажень дровъ и въ три года одинъ бенефисъ. Для того времени ангажементъ довольно выгодный. Занявъ сразу первое амплуа въ трагедіи, Каратыгинъ переигралъ весь классическій репертуаръ и, хотя не отличался безукоризненною дикціею, но за то игралъ съ большимъ увлеченіемъ. Къ величественной фигурѣ его чрезвычайно шелъ древній костюмъ и онъ любилъ въ немъ порисоваться. Въ роляхъ фразныхъ нашъ трагикъ былъ порядочно неловокъ.

Брянскій, вышедшій также изъ школы Шаховскаго въ 1811 г. (настоящая фамилія его было Григорьевъ), готовился имъ на замѣну Яковлева, и дѣйствительно онъ игралъ его роли, пока не явился Каратыгинъ. Шаховской считалъ своего ученика гораздо выше Катенинскаго, потому что онъ читалъ гораздо лучше стихи, и органъ имѣлъ болѣе пріятный. Публика, однако же, не раздѣляла мнѣнія князя и видимо отдавала предпочтеніе Каратыгину. Брянскій самъ наконецъ въ томъ сознался и сталъ понемногу переходить на роли коварныхъ злодѣевъ. Появлялся онъ иногда и въ комедіяхъ, напримѣръ въ «Влюбленномъ Шекспирѣ», въ «Ломоносовѣ», въ «Эзопѣ у Ксанфа», но для комедіи не доставало ему веселости, такъ же, какъ небснаго огня для драмы.

Для комедіи было въ то время три первоклассныхъ таланта: Бобровъ, Рамазановъ и Сосницкій.

Бобровъ уже артистъ не молодой, подвизавшійся на театральныхъ подмосткахъ съ 1799 года, былъ комикъ первоклассный, неподражаемый и въ класси-

ческой комедіи, наприм., въ «Мѣщанинѣ во дворянствѣ» Мольера. Онъ создалъ также главныя роли въ пьесахъ Шаховскаго и Загоскина, и много способствовалъ успѣху «Чванства Транжирина» и «Богатонова въ столицѣ», «Ссорѣ или два сосѣда». Превосходенъ былъ въ роли Скотинина въ «Недорослѣ» и въ «Бригадирѣ». Онъ отличался простотою и естественностію, глубоко вникалъ въ характеры, не ограничивался копіею внѣшности изображаемаго лица и никогда не прибѣгалъ къ фарсамъ, а между тѣмъ смѣшилъ до слезъ.

Рамазановъ (деб. въ 1812 г.) занималъ амплу слугъ, весьма важное въ то классическое время, когда Мольеръ, Бомарше и Маривѣ были еще въ большой модѣ на петербургской сценѣ. Онъ исполнялъ эти роли, въ особенности роль Фигаро, согласно стариннымъ традиціямъ французскаго театра, и притомъ его игра была пронизана веселостію. По мѣрѣ того какъ водевилъ сталъ считаться вещью, онъ сталъ появляться и въ водевиляхъ, въ роляхъ, которыя впоследствии занималъ Дюръ, напр. Грифьяка въ «Фениксѣ», Игнадора въ «Король и пастухъ» и Суфлѣ въ «Секретарь и поварь».

Сосницкій (деб. въ 1811 г.), тогда еще въ цвѣтѣ лѣтъ, игралъ повѣсь, фатовъ, свѣтскихъ людей и иногда слугъ въ подмогу Рамазанову. Онъ обладалъ талантомъ самымъ разнообразнымъ, развитымъ въ хорошей школѣ. Кстати сказать, что онъ готовился быть машинистомъ, но Шаховской угадалъ въ немъ призваніе болѣе высшее и занялся его образованіемъ. Не знаю навѣрное въ чемъ дебютировалъ Сосницкій и что именно онъ игралъ въ первые годы своей карьеры, но мнѣ извѣстно, что съ 1815 года онъ уже выдвинулся на первый планъ. Онъ поразилъ всѣхъ типичнымъ исполненіемъ роли графа Ольгина въ «Липецкихъ водахъ» Князя Шаховскаго, и по отзыву современниковъ выглядѣлъ настоящимъ чистокровнымъ аристократомъ. Вслѣдъ за тѣмъ, Грибоѣдовъ ему поручилъ главную роль Ариста въ «Молодыхъ супругахъ». Впоследствии онъ особенно правился въ роли Ришелье, въ комедіи «Спальня». При его изящныхъ манерахъ, онъ передалъ великолѣпно этотъ типъ аристократическаго волокиты. Кромѣ того онъ славился еще въ роли Вольтера въ комедіи «Ты и вы» князя Шаховскаго, въ роли Донъ Жуана (Мольера) и графа Альмавива (Свадьба Фигаро).

Вторыми сюжетами состояли тогда: Щениковъ, Борецкій (деб. въ 1818 г.), Каменогорскій (деб. въ 1811 г.) въ роляхъ благородныхъ отцовъ; Величинъ, второй комикъ, фарсеръ весьма тривиальнаго свойства; Толченевъ (деб. въ 1713 г.) на роляхъ злодѣевъ; Калининъ, Радинъ, Хотяинцовъ, Боченковъ на амплу такъ называемыхъ полезностей (*grandes utilités*); Экуинъ на роли франтовъ, актеръ въ родѣ покойнаго Пронскаго, плотный бель-омъ, очень нравившійся пожилымъ женщинамъ пылаго темперамента (въ тридцатыхъ годахъ онъ оставилъ сцену и женился на танцовщицѣ Истоминой); наконецъ Воротниковъ, мастеръ передавать простонародные типы и копировать нѣмцевъ.

Изъ молодаго поколѣнія артистовъ замѣчательнѣе прочихъ были: П. А. Каратыгинъ, П. И. Григорьевъ 1 и Шемаевъ; всѣ трое выпущенные изъ училища въ началѣ двадцатыхъ годовъ.

Каратыгинъ (братъ трагика) вышелъ въ первый разъ на сцену въ 1822 г. еще воспитанникомъ, вмѣстѣ съ Дюровой, своею будущею женою, въ комедіи «Молодость Генриха V» и дебютъ его, какъ онъ самъ объясняетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, прошелъ ни худо, ни хорошо. Послѣ такого дебюта онъ принятъ былъ на роли вторыхъ любовниковъ и десять лѣтъ къ ряду, чуть не каждый вечеръ объяснялся въ любви, а въ концѣ пьесы падалъ на колѣни и соединялся съ предметомъ своей страсти.

Григорьевъ, извѣстный потомъ какъ Григорьевъ 1-й, готовился быть музыкантомъ, и даже выучился довольно порядочно играть на виолончели, но все тотъ же Шаховской отырылъ въ немъ легкіе признаки драматическаго таланта. Онъ тоже игралъ роли вторыхъ любовниковъ, безъ особеннаго блеска, хотя считалъ своимъ призваніемъ роли свѣтскихъ людей.

Шемаевъ, игравшій въ водевиляхъ и въ операхъ, былъ очень недурень въ амплу простяковъ, и умѣлъ быть смѣшнымъ, не впадая въ шаржъ.

Режиссеромъ въ 1825 году состоялъ Фрыгинъ, переведенный изъ Москвы, весьма посредственный актеръ. При князѣ Шаховскомъ обязанности режиссера не имѣли большой важности, такъ какъ онъ самъ занимался постановкою пьесъ, и исполнялъ это дѣло мастерски.

Теперь я перейду къ оперѣ.

Русскую оперу поднялъ на ноги иностранецъ, капельмейстеръ Катерина Кавосъ, иностранецъ, какихъ мало, пріѣхавшій въ Россію нетолько деньги зарабатывать, но и потрудиться на пользу русскаго искусства. Онъ усердно принялся за образованіе артистовъ, солистовъ, набралъ и хорошихъ хористовъ, музыкантовъ и наконецъ самъ написалъ музыку для нѣсколькихъ оперъ, содержаніе которыхъ заимствовано было изъ русской исторіи или изъ русскаго сказочнаго міра. Вначалѣ онъ написалъ: «Князь Невидимка», потомъ «Илья Богатырь», для которой баснописецъ нашъ И. А. Крыловъ составилъ либретто, «Иванъ Сусанинъ», «Любовная почта» со словами князя Шаховскаго, и наконецъ «Жарь-Птица». При содѣйствіи Кавоса ставились всѣ лучшія произведенія европейскихъ композиторовъ, и исполнялись они сколько возможно хорошо при едва начинавшей образовываться оперной труппѣ. Французская музыка, легкая и веселая, пришлась болѣе всего по вкусу тогдашнихъ нашихъ меломановъ, а потому чаще всего игрались оперы Буальдѣ: «Жанъ Парижскій», «Калифъ Багдадскій», «Красная Шапочка», «Молодая вспыльчивая жена», «Новый помѣщикъ»; Николо: «Жюкондъ»; Далейрака: «Уединенный домъ», «Монтенерскій замокъ»; Мегюля «Иосифъ Прекрасный»; Гретри: «Рауль синяя борода»; Бертона: «Изступленный», «Рожеръ Сицилійскій».

Моцартъ былъ мало знакомъ нашей публикѣ. Въ репертуарѣ были только его «Волшебная Флейта», и «Вавилонскія развалины». Изъ итальянскихъ оперъ пользовались наибольшимъ успѣхомъ: «Отецъ и Дочь» Пера; «Весталка» и «Фердинандъ Кортесъ» Спонтини, «Тайный бракъ» Чимарозы; «Водовозъ» Керубини; «Севильскій цирюльникъ», «Сорока-воровка», Россини. Нѣмцы тогда были въ меньшей чести. Однакоже «Швейцарское семейство» Вейгеля и «Ромео и Юлія» Штейбелта были изъ любимыхъ оперъ того времени. Въ 1823 г. петербургская публика познакомилась наконецъ и съ «Волшебнымъ стрѣлкомъ» (Фрейшюцъ) Вебера, поставленнымъ для тѣхъ временъ довольно великолѣпно. Либретто было переведено Р. М. Зотовымъ, который былъ тогда самымъ дѣятельнымъ переводчикомъ-либреттистомъ. Само собою разумѣется, что при такой усиленной работѣ качество ея было не высокаго достоинства. Подчасъ попадались у него прекуръзные стихи.

Въ труппѣ было не мало хорошихъ пѣвцовъ и пѣвицъ, но конечно голоса ихъ не были достаточно выработаны и музыки они совсѣмъ почти не знали, потому что большая часть изъ нихъ серьезно не учились, за отсутствіемъ какихъ бы то ни было музыкальныхъ школъ, а приготавливались на-скоро для сцены Кавосомъ, и выучивали свои партіи по слуху, какъ канарейки.

Примадонною была Нимфодора Семенова (деб. въ 1807 г.), сестра трагической актрисы, пѣвица, хотя не очень искусная, но очень нравившаяся по задушев-

ности своего пѣнія и хорошей игрѣ. Въ то время оперы писались безъ речитативовъ, съ разговорами, и потому исполнители должны были быть и порядочными актерами. Нимфодора Семенова особенно была хороша въ «Ромео и Юлія», въ «Молодая вспылчивая жена», въ «Сорокъ-воровѣ». У Семеновой было много поклонниковъ, а въ томъ числѣ и Пушкинъ, но изъ слѣдующаго четверостишія видно, что онъ не пользовался ея благосклонностію.

Нимфодоръ Семеновой *).

Желалъ бы быть твоимъ покровомъ
Или собачкою твоей,
Или поручикомъ Барковымъ... **)
Ахъ, онъ поручикъ! ахъ злодѣй!

Рядомъ съ нею отличались Строгонова и Самойлова (деб. въ 1804 г.; урожденная Черникова) въ роляхъ менѣе важныхъ. Изъ молодыхъ пѣвицъ начали пріобрѣтать извѣстность въ двадцатыхъ годахъ: Монруа, Рыкалова, Иванова. Лучшею изъ нихъ была Монруа, которая потомъ вышла замужъ за танцора Шелехова, и дочь которой сдѣлалась женою незабвеннаго Мартынова. Голосокъ у нее былъ весьма недурной и она пѣла большія партіи Сандрильоны, Маркеліны въ «Водовозѣ», «Веніамина», въ «Іосифѣ», Каролины въ «Тайный бракъ». Рыкалова-Марсель вскорѣ обратилась къ водевилю. Ивановой тоже поручали первыя роли, напр. Агаты въ «Волшебномъ стрѣлкѣ», но она не принадлежала къ числу любимицъ публики.

Амплуа перваго тенора съ 1803 года, занималъ В. М. Самойловъ. Голосъ у него былъ высокій, грудной, звучный, пѣніе было полно страсти и огня и къ тому же онъ былъ актеръ первостепенный. На немъ держался весь репертуаръ въ первую четверть нашего столѣтія. Онъ производилъ рѣшительный фуроръ: въ «Іосифѣ прекрасномъ» (роль Симеона), въ «Ромео и Юлія», въ «Жанъ Парижскомъ», въ «Изступленномъ» и въ оперѣ Пера «Отецъ и дочь», гдѣ особенный эффектъ производила сцена встрѣчи сумасшедшаго отца съ бросившею его дочерью.

Климовскій, бывший вначалѣ придворнымъ пѣвчимъ, дублировалъ Самойлова и также былъ недурень въ своемъ родѣ. Онъ пѣвалъ: «Іосифа прекраснаго», Альмавиву въ «Севильскомъ цирюльникѣ», Макса въ «Волшебномъ стрѣлкѣ», «Казака-стихотворца» и проч.

Въ 1822 г. дебютировалъ еще новый теноръ, воспитанникъ училища, Шемаевъ, весьма памятный и намъ по исполненію Роберта. Природа его не щедро наградила, голосъ былъ у него непріятный, и искусствомъ также онъ не могъ похвалиться. Ему однако же поручали такія большія партіи, какъ Рамиръ «Сандрильона», Антона «Водовозъ» и даже Фигаро «Севильскій цирюльникъ». Какимъ манеромъ теноръ могъ пѣть баритонную партію, право непонятно. Тогда впрочемъ въ оперѣ обращали больше вниманія на игру, и иногда большія роли поручались драматическимъ артистамъ, разумѣется выпуская все пѣніе. Такимъ образомъ Толченову 1-му, трагическому злодѣю, неимѣвшему вовсе никакого голоса и неучившемуся никогда пѣть, приходилось играть злодѣя Каспара въ «Волшебномъ стрѣлкѣ». Снисходительная публика не была на то въ претензіи. Что если бы теперь роль Сусанина или Бертрама отдали Бурдину?

Такая замѣна доказываетъ, конечно, что труппа была не богата бассами. И

*) Русскій Архивъ, 1876 г. № 10, стр. 22 .

**) Рѣчь идетъ вѣрно о Барковѣ, переводившемъ оперы и комедіи.